

Мария Михайлова

— доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член Союза писателей Москвы, академик РАЕН.

Елена Полтавская

— член Союза писателей России, выпускница Литературного института имени А.М. Горького, президент фонда поддержки литературы, культуры и искусства «Иппокрена».

МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ... (ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: И.А. БУНИН, Б.К. ЗАЙЦЕВ И ДРУГИЕ)

Когда в одном месте встречаются два ярких человека, интересно за ними наблюдать. А если их объединяет одна тема, и тема эта — Серебряный век, то интереснее вдвойне. Мария Викторовна Михайлова, буниновед, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, начавшая изучение творчества И.А. Бунина, когда имя писателя только возвращалось на родину, 50 лет назад. А это значит, информация собиралась по крупицам. И, наоборот, Ренэ Герра, французский славист, профессор Сорбонны, родился и рос в тех местах, где осталось культурное наследие уходящего Серебряного века, где жил и работал Нобелевский лауреат И.А. Бунин. Один ученый мечтал прикоснуться к подлинникам и почувствовать пульс творчества ушедших талантов, другой — и держал подлинники в руках, и делал все, чтобы их сохранить. Они разные, но как много общего! Что их объединяет? Дело. Дело длиною в жизнь. И так сложилось, что звезды сошлись. Сначала в небе... Потом был март, Ницца и... они встретились.

Что ощутите вы, дорогие читатели, когда присядете в погожий весенний день на большую каменную, изъеденную временем скамью, стоящую рядом с виллой «Бельведер»

Maria Mikhaïlova

— docteure ès Lettres, professeure de la Faculté des Lettres de l'Université d'Etat de Moscou M. V. Lomonossov, membre de l'Académie russe des sciences naturelles.

Elena Poltavskaya

— membre de l'Union des écrivains de la Russie, diplômée de l'Institut de littérature Maxime-Gorki, présidente de la fondation de soutien à la littérature, à la culture et à l'art "Ippokrena".

ET LE PASSÉ DÉFILE DEVANT MES YEUX... (HÉRITAGE LITTÉRAIRE DE RUSSIE: I. A. BOUNINE, B. K. ZAÏTSEV ET D'AUTRES)

Quand dans un endroit se rencontrent deux personnes brillantes, il est très intéressant de les observer. Et si, par hasard, les deux sont unies par la même passion, le *Siècle d'argent*, par exemple, l'observation devient vraiment captivante. D'un côté, Maria Viktorovna Mikhaïlova, spécialiste de I. A. Bounine, professeure honorable de MGU qui a entamé ses recherches de l'oeuvre de Bounine il y a 50 ans quand on commençait à peine à redécouvrir le nom de l'écrivain en Russie et quand toutes les informations étaient si difficiles à retrouver. De l'autre côté, René Guerra, slaviste français, professeur de la Sorbonne, qui

est né et qui a grandi dans les contrées qui gardent toujours la mémoire du *Siècle d'argent*, où travaillait et habitait le lauréat du Prix Nobel de littérature I. A. Bounine. La première rêvait de toucher les oeuvres originales et sentir le pouls de la création des talents partis, le second gardait ces oeuvres originales et faisait tout pour les préserver. Ils sont tellement différents mais ils ont beaucoup de choses en commun. Qu'est-ce qui les unit? La cause. La cause commune de toute leur vie. Et il est arrivé que les étoiles étaient favorables à leur rencontre.. D'abord, tout s'est arrangé aux cieux. et puis c'était le mars, Nice et .. ils se sont rencontrés.

Que sentiriez-vous, chers lecteurs, si vous vous asseyiez un agréable jour de printemps sur un grand banc de pierre, rongé par le temps, qui se trouve près de la villa Belvédère sur la route menant à Grasse, et si vous saviez que c'est I. A. Bounine qui se reposait sur le même banc après une longue promenade il y a 80 ans? Des frissons, peut-être? Probablement c'est sur ce banc de pierre que Galina Kuznetsova écrit dans son «Journal de Grasse» en mentionnant que le banc se trouvait au fond du jardin. Donc, ils y étaient assis à deux. Et Bounine donnait à sa jeune élève des conseils sur l'écriture, à quoi faire attention, en créant l'image du héros, et racontait comment il procédait pour travailler les «prototypes»: il prenait des choses différentes chez diverses personnes pour créer ses personnages...

Et si vous preniez la poignée de la porte d'entrée de la villa Belvédère, la même que Bounine touchait, vous ver-

на дороге, ведущей в Грасс, зная, что почти 80 лет назад на ней отдыхал сам Иван Алексеевич Бунин, совершая пешеходную прогулку? Наверное, трепет. Возможно, именно об этой скамейке пишет Галина Кузнецова в своем «Грасском дневнике», упоминая, что скамья находилась в самом конце сада. Значит, они сидели на ней вдвоем. И Бунин давал своей молодой ученице дельные советы о том, как следует писать, на что обращать внимание, создавая образ героя, рассказывал, как он сам поступает с «прототипами»: от одного возьмет одно, от другого другое. А если взяться за ручку двери на вилле «Бельведер», ту самую, к которой прикасался Бунин, то, возможно, возникнет вдруг перед вашими глазами неповторимый и в то же время узнаваемый облик будто бы знакомого вам человека... Не это ли чувство имел в виду сам Бунин, когда создавал строки: «...Счастлив я, // Что моя душа, Вергилий, // Не моя и не твоя»? И тогда же, в 1916 году, он дал этому пронзительному чувству чеканную формулировку: «Нет в мире разных душ // И времени в нем нет!»

Вот это счастье приобщения к бунинским местам в Провансе (Ницца, Канны, Грасс) было подарено группе почитателей творчества нобелевского лауреата, куда входили и ученые-бунинисты, и простые почитатели творчества писателя, в марте 2018 года. Поездка была запланирована и организована в рамках подготовки к фестивалю «Бунинские Озерки», которая не прекращается ни на один день в течение всего времени после

последнего празднования. Прилетевшим в Ниццу был обещан бесценный опыт прикосновения к тому, что составляло жизнь Бунина (и не только его, но и гостей, навещавших его на снимаемых им виллах) на протяжении почти 25 последних лет его жизни. Но Ницца — это еще и кладезь русской истории, литературы Серебряного века, который яркими звездами вспыхнул в России, а «догорал» за ее пределами.

И вот мы в гостях. Пояснения дает выдающийся славист современности, исследователь культурного наследия первой волны русской эмиграции во Франции, профессор университета в Ницце, автор более чем полутора десятков книг (в том числе «Они унесли с собой Россию. Русские эмигранты-писатели и художники во Франции (1920 — 1970)» и «Когда мы в Россию вернемся»), в которых рассказывает о гигантской и бесценной коллекции раритетов, им собранных. Прежде чем совершить «бросок» на виллы «Бельведер» и «Жаннет» в Грассе, этот уникальный человек приобщил нас к своей коллекции, продемонстрировал ее лучшие экспонаты. Для того чтобы узнать ее подробнее, потребовались бы дни и дни — а у нас было всего несколько часов. Но каких!

И вот уже два часа мы ходим за нашим рассказчиком по его дому. На стенах работы русских художников начала 20-го века.

— Вот, посмотрите, это Серебрякова, а там Бушен... А вот мой люби-

riez peut-être devant vos yeux une image unique et reconnaissable d'un homme qui semble si connu... C'est ce sentiment-là qu'aurait eu Bounine quand il a écrit les lignes suivantes: «... Je suis heureux // Que mon âme, Virgile, // N'est pas la mienne, n'est pas la tienne»? Alors, en 1916, il a donné à ce sentiment une définition tellement juste: «Il n'y a point d'âmes différentes au monde // Il n'y a point de temps!».

Cette joie de rencontre et de découverte a été offerte à un groupe d'amateurs de l'oeuvre du lauréat du Prix Nobel lors de leur voyage en Provence (Nice, Cannes, Grasse) en mars 2018. Le voyage a été organisé dans le cadre du festival «Bouninskie Ozerki» (Ozerki de Bounine) dont on n'arrête pas les préparations qui se poursuivent toute l'année, le dernier événement du festival s'étant tenu. Les spécialistes de Bounine et les simples amateurs de son oeuvre arrivés à Nice ont eu la possibilité de découvrir les derniers 25 ans de la vie de Bounine, la vie étrangère de l'écrivain et de ses invités qui venaient le voir dans les villas qu'il louait. Mais Nice c'est aussi un vrai trésor, un puits qui garde les souvenirs et la mémoire de l'histoire de l'émigration russe, de la littérature du Siècle d'argent qui a éclaté en Russie tsariste et s'est éteint en dehors du pays des Soviets.

Et nous voilà qui sommes les invités. Notre hôte c'est un grand slaviste contemporain étudiant l'héritage culturel de la première vague de l'émigration russe en France, un professeur de l'université de Nice, l'auteur de nombreux

ouvrages (entre autres, du livre «Oni unesli s soboj Rossiju.» Russkie émi-granty — pisateli i chudožniki vo Francii 1920–1970» [Ils ont emporté la Russie avec eux... Les émigrés russes, écrivains et peintres, en France (1920–1970)] et du livre «Kogda my v Rossiu vernemsa» [Quand nous serons de retour en Russie]) où il s'agit d'une énorme collection exceptionnelle et unique de raretés qu'il a si minutieusement composée. Avant de visiter les villas Belvédère et Jeannette à Grasse nous avons regardé la collection de cet homme extraordinaire et ses meilleures objets. Pour apprendre mieux et estimer ce trésor nous aurions dû y rester pour des mois mais nous n'avions que quelques heures. Mais lesquelles!

Et ça fait déjà deux heures que nous suivons notre hôte dans sa maison. Aux murs on peut voir les oeuvres des peintres russes du XXème siècle.

— Tenez, c'est un tableau de Serebriakova et celui-ci est de Bouchène... Et celui-là est mon favori, un Annenkov. Savez-vous où j'ai fait connaissance avec Annenkov?

— Non, hochons-nous la tête.

— En mars 1969 j'ai acheté à Moscou pour un sou le poème d'Alexandre Blok «Les Douze». Le livre était édité en arménien mais il y avait une inscription en russe portant les informations sur l'illustrateur: Yuri Annenkov. J'ai trouvé le numéro de Yuri Pavlovitch dans l'annuaire.

Nous nous approchons d'une bibliothèque. René Yuliannovitch (c'est ainsi que les invités russes l'appellent, à la manière russe, parce que l'intérêt de M. Guerra porté à la culture de la Russie permet de croire qu'il est une vraie âme

мый Анненков. Знаете, как я познакомился с Анненковым?

— Нет, — отрицательно качаем мы головами.

— В марте 1969 года я случайно купил в Москве за копейки поэму Александра Блока «Двенадцать». Книга была издана на армянском языке, однако там имелась строка, где по-русски значилось, что иллюстрации Юрия Анненкова. Номер телефона Юрия Павловича я нашел в телефонной книге.

Мы подходим к книжному шкафу. Ренэ Юлианович (так на русский манер его обычно величают гости из России, ибо погруженность Герра в русскую культуру и любовь к ней позволяют по праву назвать его русским душой) осторожно берет книгу. Она обернута калькой.

— Это Бунин. У меня больше ста книг с автографом Бунина. А здесь Ремизов, — мы уже подошли к другому шкафу. И снова все книги аккуратно расставлены и обернуты калькой. — Здесь есть любопытные вещи...

И уже на ходу: «Ну что, идем дальше?»

Когда мы вернулись на первый этаж, к нашему приятному удивлению — стол для гостей был уже накрыт. Жена Ренэ Юлиановича, Ирина, гостеприимно улыбалась. Мы присели. Как это было кстати! Наши головы буквально кружились от такого количества информации. На вопрос хозяина «Может, вина?» мы ответили быстрым согласием.

— Вино с местных виноградников, — начал хозяин. — Куплено

не в магазинах, а у производителя. В Ницце всего десять виноградников. Ну, давайте выпьем. Для вдохновения полезно.

— Как вам еда? — поинтересовался хозяин. — Это как пельмени, только без мяса. Я не беру мясо в супермаркетах. Только у мясника. Просто боюсь. Береженого бог бережет, — смеется хозяин. — Да, и еще люблю пирожки с капустой, но это в России...

Надо еще раз сделать акцент на «разношерстном» составе нашей группы. В ней были люди разных возрастов: и те, кто знает жизнь и творчество Бунина досконально, работает с его текстами как профессионал (уже упомянутые М.В. Михайлова, Е.А. Полтавская, Г.И. Седых), и те, кто давно почувствовал на себе магию бунинского слова (кандидат психологических наук Е.И. Энсис), и те, кто только начинает постигать философскую и эстетическую наполненность бунинской поэзии и прозы, а также узнает имена выдающихся представителей культуры Русского зарубежья. Но все присутствующие одинаково замирали в восхищении, когда из книжного шкафа доставалась какая-нибудь книга выдающегося представителя первой волны эмиграции (Зинаиды Гиппиус, Алексея Ремизова, Георгия Адамовича) с дарственной надписью, обращенной к нашему проводнику в этот книжный рай. Знакомство с огромной библиотекой Ренэ Герра, включающей в себя едва ли не все, что написано и издано по-русски и на других

руссе) prend un livre avec précaution. Il est emballé dans du papier-calque.

— C'est un Bounine. J'ai plus de cent livres avec un autographe de Bounine. Et là-bas c'est un Remizov...

Nous nous approchons d'une autre bibliothèque. Tous les livres sont emballés dans du papier-calque, avec précaution et adoration.

— Il y a aussi des choses très intéressantes.

Et de nouveau, en se dirigeant vers une autre bibliothèque: «On y va?»

Quand nous sommes revenus au rez-de-chaussée, on avait mis déjà la table pour notre grande surprise. La femme de René Yuliannovitch, Irène, nous souriait amicalement. Nous nous sommes assis. C'était bien à temps! Nos têtes éclataient de tant d'information! Aussi la question de l'hôte «Un peu de vin, peut-être?» a été accueillie avec un grand enthousiasme.

— C'est du vin du pays, a commencé M. Guerra la discussion. Acheté chez un artisan, pas dans le magasin. A Nice il n'y a que dix vignobles. Allez, buvons! C'est bon pour l'inspiration.

— Vous aimez le repas? s'est intéressé vivement l'hôte. C'est comme des pelmeni, mais sans viande. Je n'achète pas de viande au magasin, seulement chez un boucher. Bah, j'ai peur c'est tout. Deux précautions valent mieux qu'une, rit-il. Ah oui, j'aime aussi des tourtes au chou, mais ça, c'est en Russie...

Il faut mentionner encore une fois que notre groupe était assez disparate. Il y a avait là des personnes de tout âge:

ceux qui connaissent très bien la vie et l'oeuvre de Bounine et qui travaillent avec ses textes comme des professionnels (déjà cité M. V. Mikhaïlova, E. A. Poltavskaya, G. I. Sedikh) et ceux qui ont ressenti depuis longtemps la magie de la parole de Bounine (PHD en science psychologique E. I. Ensis) et ceux qui commencent à comprendre et concevoir la plénitude philosophique et esthétique de la prose et de la poésie de Bounine et à se plonger dans cette culture de l'étranger russe. Mais l'éblouissement de tout le groupe était le même quand M. Guerra prenait dans un des rayons un livre de quelque représentant de la première vague de l'émigration (Zinaïda Hippus, Alexei Remizov, Gueorgui Adamovitch) avec un autographe de l'auteur et une dédicace au propriétaire de ce paradis littéraire.

La visite de cette énorme bibliothèque de René Guerra, qui inclut presque tout ce qui était écrit et publié en russe et en d'autres langues sur le destin de l'émigration russe de la première et deuxième vague du XXème siècle, est devenue pour nous un vrai bouleversement. Montrant des tableaux différents (ceux de Z. E. Serebriakova, B. D. Grigoriev, S. I. Charchoune, Y. P. Annenkov et bien d'autres) ou des livres avec des autographes, M. Guerra parlait de la vie et du destin des gens qu'il connaissait dans la plupart des cas personnellement. Surtout nous étions impressionnés par le récit sur l'extraordinaire peintre Annenkov dont l'hôte de la maison a montré nombreuses illustrations dans les livres. De plus, M. Guerra a montré son portrait fait par Annenkov en 1970. Une autre impression de ce jour-là ce sont des dessins

языках о судьбах русской эмиграции первой и второй волн XX века, стало абсолютным потрясением. Показывая книги с автографами, демонстрируя полотна художников (З.Е. Серебряковой, Б.Д. Григорьева, С.И. Шаршуна, Ю.П. Анненкова и других), Герра говорил, как стало очевидно из приведенной сценки, о жизни и судьбах людей, большинство из которых он знал лично. Особенно впечатляющим получился рассказ о потрясающем художнике Анненкове, рисунки которого к различным изданиям хозяин дома демонстрировал. А еще Герра показал свой портрет, сделанный Анненковым в 1970 году. Не менее яркими были впечатления и от каллиграфии Ремизова и его «многомерных рисунков», которые тоже имеются в коллекции. И хотя Рене Юлианович лично этого затейливого писателя не знал, благодаря книгам с дарственными надписями его присутствие в доме ощущалось так же явственно, как и присутствие друзей хозяина дома. Попутно звучал рассказ о возвращении наследия эмигрантов на родину, которое происходило в несколько этапов.

Получался живой, «непричесанный» разговор, в котором каждый мог составить и собственное мнение по любому обсуждаемому вопросу, и личное отношение к тому или иному персонажу. Но многое мы узнавали и о привычках хозяина дома, о его вкусах и пристрастиях. А роскошные иллюстрации из упомянутой коллекции стали еще одним участником увлекательного разговора. Перед присутствующими раскрылись все стороны

яркого и ярого темперамента коллекционера и ученого. При этом Герра весьма откровенно высказывался о представителях первых волн эмиграции, о сложнейших внутренних разногласиях, вылившихся в формирование разнополюсных лагерей, выявивших непримиримых противников. С горечью он говорил, как мало переводили замечательных русских писателей-эмигрантов первой волны — Бунина, Зайцева, Ремизова — на французский язык, что объяснялось настороженным отношением во Франции к тем русским, кто не принял Октябрьскую революцию (среди французской интеллигенции очень сильны были просоветские настроения, Французская коммунистическая партия была очень влиятельна). Не скрывал он и своей рефлексии по поводу взаимоотношений власти и интеллигенции, бурно реагировал на происходящие в России изменения.

Но несмотря на горестные перипетии судеб русских эмигрантов, в целом у слушателей возникло ощущение единства русского мира как историко-географического пространства, понимание Русского зарубежья во всей полноте его культурной реализации. Особенно поразило огромное количество периодических изданий на русском языке, выходивших с 1920-х по 1990-е годы, в которых публиковались не только титаны русской культуры, но и сотни других авторов, представляющих различные политические и художественные течения, философские и религиозные школы. И Герра, приоткрывая занавес исторической

multidimensionnels et la calligraphie de Remizov qui sont aussi présents dans la collection de R. Guerra. Et même si René Yuliannovitch ne connaissait pas personnellement cet auteur ingénieux, grâce aux livres avec ses autographes la présence de Remizov se sentait aussi nettement que celle du maître de la maison. Parallèlement M. Guerra parlait du retour des émigrés dans le pays natal qui se produisait en plusieurs étapes.

Ainsi avons-nous affaire à une discussion vive, dynamique et spontanée, où chacun pouvait former sa propre opinion et son propre point de vue sur n'importe quelle question étudiée, sur tout écrivain et tout personnage. Mais de plus, nous avons beaucoup appris sur les moeurs et les habitudes du maître de la maison. Et les illustrations luxueuses de la collection mentionnée ci-dessus sont devenues de vrais interlocuteurs. Nous avons découvert un vif tempérament du collectionneur et de l'homme savant. M. Guerra a beaucoup parlé des représentants des premières vagues de l'émigration, des camps différents, des querelles foudroyantes intérieures qui ont mis en avant les adversaires irréconciliables et les luttes impitoyables. Il partageait son amertume et se plaignait qu'il n'existe que peu de traductions des formidables écrivains russes de la première vague (de Bounine, de Zaïtsev, de Remizov) en langue française ce qui était largement expliqué par une méfiance des Français envers les écrivains russes de l'époque qui avaient refusé la Révolution d'Octobre (le parti communiste était assez puissant alors et les dispositions des esprits des intellectuels français étaient pro-soviétiques à l'époque). M. Guerra a parlé aussi de la

relation entre le pouvoir et l'intelligentsia et il a vivement réagi à tout ce qui se produit en Russie actuellement.

Mais malgré les péripéties des émigrés russes, en général les auditeurs ont eu le sentiment de l'unité du monde russe comme une entité géographique et historique, la compréhension de l'étranger russe dans toute sa plénitude et son accomplissement culturel. Nous étions surtout étonnés d'avoir vu un nombre énorme de journaux et de revues publiés en russe dans les années 1920—1990 où publiaient leurs oeuvres non seulement les titanes de la culture russe, mais aussi des centaines d'auteurs représentant des courants artistiques et politiques différents, des membres d'écoles philosophiques et religieuses. Montrant des éditions très rares dont certaines n'existent qu'en seul exemplaire et restent dans sa collection précieuse, M. Guerra nous a fait connaître le drame de l'époque et essayé de prouver que les frontières culturelles de la Russie ne correspondent point (et depuis longtemps) aux frontières géographiques du pays.

Le lendemain M. Guerra a promis de nous emmener à Grasse pour montrer la villa où autrefois habitait I. A. Bounine. Bien-sûr que cette nouvelle nous inspire beaucoup de questions dont nous couvrons notre hôte cordial, mais il y répond sans hésiter et entame une autre discussion aussi passionnante.

— A Grasse Bounine a loué d'abord la villa Montfleury au début des années 1920, après la villa Belvédère et puis la villa Jeannette où il passait quelques mois pendant l'année. Je pense que Bounine était une sorte d'aimant, beaucoup

драмы, свидетельством которой являются эти издания, многие из которых дошли до нас в единственном экземпляре и хранятся в его бесценной коллекции, доказывал, что культурные границы России уже давно не совпадают с государственными.

Завтра господин Герра обещал проводить нас в Грассе, чтобы показать виллу, в которой когда-то жил И.А. Бунин. И, конечно, в связи с этим у нас возникает много вопросов, которыми мы засыпаем радушного хозяина. Но он, будто и не утомившись, моментально включается в беседу.

— В Грассе в начале 20-х годов Бунин снимал сначала виллу «Монфлери», потом «Бельведер», а позже «Жаннет», где проводил несколько месяцев в году. Мне кажется, Бунин был своеобразным магнитом, многие с ним хотели встречаться, общаться. Но лишь с одним писателем Бунин был на «ты». Это Борис Зайцев.

— А Борис Зайцев бывал в Ницце? — спрашивает специалист по творчеству Б.К. Зайцева, инициатор эко-фестиваля «Бунинские Озерки» Елена Андреевна Полтавская.

— Зайцев также бывал в Ницце. Чаще гостил в Грассе у Буниных: первый раз в сентябре 1925 года, потом в июне 1926 года и летом 1928 года. Там же писал свою замечательную повесть «Анна». В 1936-м он снова в Грассе, где работает над первым томом своей тетралогии «Путешествие Глеба», названном «Заря».

— Писатели, наверное, и стремились друг к другу потому, что общение давало ощущение Родины, — развива-

ет далее тему этой редкостной дружбы буниновед, профессор Мария Викторовна Михайлова. — Может, именно поэтому на вилле в Грассе Бунин всегда кого-то принимал. Да и творческие люди, которые там время от времени жили, могли создать ту атмосферу вдохновения, в которой так хорошо работалось.

— Может быть, — задумчиво откликается наш рассказчик.

— Писать по-русски, — продолжает Мария Викторовна, — в отрыве от Родины, в другой языковой стихии, писать все лучше и лучше... Это, пожалуй, удалось только им двоим.

— И это несмотря на возраст, на трудные материальные, психологические и моральные условия, — подчеркивает французский славист. — А это, скажу я вам, поистине настоящий подвиг. И каждый из писателей-эмигрантов по-своему, в меру своих сил, его совершил.

— Ренэ Юлианович, а вы все-таки расскажите про Зайцева, — просит Елена Андреевна. — Вы же его лично знали. Даже были у него секретарем.

— Зайцев благодаря революции стал православным, — начал господин Герра. — Когда свершились все эти события 1917-го года, он все понял. Позже поняли Шмелев и даже Ремизов. Возьмите произведение «Чистый понедельник» Бунина. Там гимн православию. А Зайцевым написаны «Преподобный Сергей Радонежский», «Алексей Божий человек».

— Ренэ Юлианович, у меня тут на планшете есть Зайцев, — восклицает Елена Андреевна. — Вот из «Пре-

de gens voulaient communiquer avec lui, le voir. Mais un seul écrivain lui était vraiment proche: Boris Zaïtsev.

— Et Boris Zaïtsev venait à Nice? demande la spécialiste de l'oeuvre de B. Zaïtsev, celle qui a initié l'eco-festival «Bouninskie Ozerki», Elena Andreevna Poltavskaya.

— Oui, Zaïtsev y venait aussi. Souvent il passait du temps à Grasse chez les Bounine, d'abord en septembre 1925, puis en juin 1926 et en été 1928. C'est ici qu'il a écrit sa nouvelle fantastique «Anne». Et en 1936 il est revenu à Grasse et a commencé à travailler sur le premier tome de sa tétralogie «Le Voyage de Gleb» appelé «L'aube».

— Peut-être que les écrivains voulaient passer du temps ensemble parce que ce commerce leur donnait le sentiment de la Patrie, continue le sujet de cette amitié exceptionnelle Maria Viktorovna Mikhaïlova, la spécialiste de l'oeuvre de Bounine, la professeure. Peut-être que c'est la raison pourquoi Bounine accueillait toujours quelqu'un à sa villa à Grasse. Et les gens créatifs qui y habitaient de temps en temps pouvaient faire naître cette inspiration qui forçait le travail d'écriture.

— Peut-être, répond notre narrateur devenu pensif.

— Ecrire en russe tout étant privé de la Russie, continue Maria Viktorovna, dans un autre milieu linguistique, et écrire de mieux en mieux... Bounine et Zaïtsev sont les seuls à réussir cette tâche.

— Oui, et tout cela malgré l'âge, les problèmes financiers, psychologiques, moraux, souligne le slaviste français, et cette persévérance, j'oserais vous dire,

c'est un vrai exploit. Chaque écrivain émigré a accompli cette tâche à sa manière.

— René Yuliannovitch, pourriez-vous quand même parler un peu de Zaïtsev, demande Elena Andreevna, vous le connaissiez personnellement, vous étiez son secrétaire.

— Zaïtsev est devenu orthodoxe grâce à la Révolution, commence son récit M. Guerra, après les événements de 1917 il a tout compris. Chmeliiov et Remizov l'ont compris aussi mais plus tard. Prenez, par exemple, le récit de Bounine «Premier lundi du Carême». C'est un vrai hymne chanté à l'orthodoxie. Quant à Zaïtsev, il a écrit «Le vénérable Serge de Radonège» et «Alexis — homme de Dieu».

— Vous permettez, René Yulianovitch, j'ai le récit de Zaïtsev sur ma tablette, s'exclame Elena Andreevna, je vais citer: «Silencieusement Serge apprend le plus simple: la vérité, la franchise, le courage, le travail, la vénération et la foi». Voilà ses paroles... Rester sans sa Patrie, sans argent, sans moyens... Mais dans ces paroles il n'y a pas de lutte.. Ce sont les paroles éternelles de la vérité.

— C'est l'orthodoxie et l'amour envers la patrie qui lui ont donné cette résignation... répond René Yuliannovitch, Zaïtsev aimait raconter sa vie en Russie, à Moscou et dans la propriété paternelle au village de Pritykine. Et parler de ses voyages en Italie...

— Oui, c'est l'Italie qu'il aimait le plus, continue Poltavskaya. Je suis allée en Italie à Florence il n'y a pas longtemps et j'ai apporté avec moi l'essai de B. K. Zaïtsev «Florence». Je me suis baladée dans les petites rues de cette ville ancienne et je l'ai vue avec ses yeux. C'était

подобного Сергия Радонежского». Разрешите? «Безмолвно Сергей учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере». Такие слова... Остаться без родины, извините, без средств к существованию... Но в словах нет борьбы... Это просто вечные слова истины...

— Это смирение дало ему православию, любовь к родине... — отозвался Ренэ Юлианович. — Зайцев любил рассказывать о своей жизни в России, в Москве и в имении отца Притыкино. А также о своих поездках в Италию...

— Да, Италию он любил. Знаете, — подхватывает Полтавская, — я недавно была во Флоренции. Прихватила с собой очерк Б.К. Зайцева «Флоренция». Гуляла по улочкам древнего города и смотрела на него глазами этого писателя. Это какое-то особое прочтение... Каждая строчка оживает.

— Тогда вам надо в Париж, в район Пасси...

— Это вы про его роман «Дом в Пасси»? — раздаётся голос одного из присутствующих.

— Да, погуляйте по Парижу, по району Пасси... Представьте. И как всегда у Зайцева... Люди живут, говорят, страдают. А потом, когда произведение заканчивается, начинаешь понимать, что каждая человеческая судьба — это планета...

— Вот я недавно перечитывала новеллу Зайцева «Карл V», — признается Елена Андреевна, — про императора эпохи Возрождения. Вот это планета. Но писателя волнует душа великого человека. А как написано! Казалось бы, просто, лаконично...

Легкий росчерк импрессионистских мазков в духе Зайцева. А в конце рассказа понимаешь — вся жизнь императора прошла перед глазами.

Ренэ Юлианович немного загрустил. Через минуту продолжил:

— Мы часто сидели с Зайцевым в его кабинете на втором этаже особнячка на авеню де Шале, дом 5, и я слушал его увлекательные рассказы о дореволюционной России, о русской деревне, о блистательном русском довоенном Париже. Он любил красное вино из Бордо.

При словах «красное вино» мы посмотрели на бокалы. Совсем забыли про вино!

— Все эти люди доживали достойно, — Герра поднял бокал, — оставались верными русской культуре. Они надеялись, что их будут публиковать. Все надеялись на победу. Но они не победили. Разве это победа? И я говорю: я 30 лет был на стороне побежденных. Единственная моя заслуга, что я полвека назад понял ценность всего того, что было создано русскими писателями, художниками, философами в эмиграции. И я стал спасать и собирать это бесценное культурное наследие.

Он замолчал, задумался, посмотрел на бокал:

— За нас!

— Нет, Ренэ Юлианович, за вас, — почти хором сказали мы.

Так мы узнали, как получилось, что достаточно молодому еще человеку ярчайшие люди России считали для себя обязательным дарить книги.

une lecture exceptionnelle... Chaque ligne se ranimait...

— Alors, vous devez vous rendre à Paris, dans le quartier de Passy..

— Vous faites allusion à son roman «Une maison à Passy»? S'entend la voix d'un des participants de cette conversation.

— Oui, exactement. Baladez-vous à Paris, dans ce quartier de Passy.. Imaginez! Comme toujours chez Zaïtsev... Les gens vivent, parlent, souffrent. Et une fois le roman fini, on réalise que chaque destin de chaque homme est une vraie planète...

— Sous peu j'ai relu la nouvelle de Zaïtsev «Charles V», avoue Elena Andreevna, sur l'empereur de la Renaissance. C'est une vraie planète! Mais l'écrivain s'intéresse à l'âme d'un grand homme. Et comment c'est écrit! On dirait d'un style assez simple, laconique, sobre... Une traînée de petites touches à l'impressionniste, dans la manière de Zaïtsev. Mais à la fin du récit on réalise que c'était toute une vie de l'empereur qui est passée devant les yeux du lecteur.

René Yuliannovitch devient un peu triste. Mais dans une minute il recommence:

— Nous passions des heures ensemble avec Zaïtsev au premier étage de son petit hôtel particulier, au 5, avenue des Chalets, et j'écoutais ses récits captivants sur la Russie avant la Révolution, sur le village russe, sur le splendide Paris russe avant la guerre. Il adorait le vin rouge de Bordeaux...

A ce moment-là nous avons regardé nos verres pleins: nous avons complètement oublié le vin!

— Ces gens-là finissaient leur vie avec dignité, et M. Guerra lève-t-il son

verre, ils sont restés fidèles à la culture russe. Ils espéraient qu'on les publierait. Tous espéraient la victoire. Mais ils ont perdu. Est-ce que c'est une victoire? Et moi qui dis: j'ai été pendant 30 ans du côté des vaincus. Mon seul mérite est de comprendre un demi-siècle plus tôt la valeur de tout ce qui a été créé par les écrivains russes, les artistes, les peintres, les philosophes en exil. Et j'ai commencé à chercher et collectionner cet héritage culturel précieux.

Il s'est tu, a pensé un instant et puis il a levé le bras:

— A la nôtre!

— Non, René Yuliannovitch, à la vôtre! nous sommes-nous exclamés.

C'est ainsi que nous avons appris que les écrivains majeurs de ce temps se croyaient obligés d'offrir à ce jeune homme leurs livres. C'était un vrai miracle quand M. Guerra, un assez jeune homme, est devenu le secrétaire et l'aide de B. K. Zaïtsev, écrivain éminent du XXème siècle, créateur de l'épopée unique autobiographique «Le Voyage de Gleb», comparable, par sa finesse et sa sagacité psychologique au roman de Bounine «La Vie d'Arseniev». Bien sûr, une telle confiance n'a pas été gagnée par ce jeune critique littéraire. Ses connaissances de la langue russe éblouissent. Il connaît non seulement les règles de grammaire, prononce sans accent les phrases mais aussi de nombreux proverbes, dictons, ritournelles dont il parseme sans cesse son discours.

Mais dites honnêtement, quand avez-vous employé quelque chose de pareil la dernière fois? On admet que la

Да, так счастливо сошлись звезды, что он совсем юношей стал секретарем и помощником Б.К. Зайцева, выдающегося писателя XX века, создателя уникальной автобиографической эпопеи «Путешествие Глеба», по тонкости проникновения в душу входящего в жизнь человека сопоставимой с «Жизнью Арсеньева» И.А. Бунина. Конечно, такое доверие было оказано молодому филологу неслучайно. Его просто фантастическое знание русского языка поражает. И дело не просто в правильном словоупотреблении или отсутствии французского акцента, а и в насыщенности речи присловьями, поговорками, присказками, в чем мы убеждались ежеминутно.

Вот скажите честно, когда в последний раз вы сами употребляли нечто подобное? С грустью признаемся, что наш язык на глазах беднеет, что мы редко обращаемся к этой сокровищнице русского языка. А Ренэ Юлианович (неслучайно такой русизм принимается им лояльно) так и сыплет русскими пословицами и поговорками, нередко расцвечивая свою речь и крепким словом (но всегда к месту и с завидным тактом). Помимо книжной коллекции Герра, как уже стало понятно, обладает еще и бесценными живописными полотнами.

Но если перечисленные выше имена все же были достаточно хорошо знакомы слушателям (хотя это не отменяет потрясения, когда видишь их работы воочию, вот так рядом), то имя Дмитрия Дмитриевича Бушена пока еще мало известно на родине. А этого выдающегося театрального

художника, которого еще называли «художник-поэт», связывала с Ренэ Герра глубокая дружба. Ей мы и были обязаны встрече (для многих из нас — первой) с его картинами и рисунками. И таких открытий оказалось немало во время «пробежки» по дому Герра. Всеобщее восхищение вызвали также выполненные в технике акварели и гуаши рисунки Жени Хаджи-Минаш, изобразившей восточных женщин в национальных костюмах.

Жилище коллекционера, как стало ясно, буквально заполнено совершенно уникальными вещами, причем относящимися не только к эпохе первой волны эмиграции, но и к более раннему времени. Так, Герра — еще и обладатель коллекции винных бутылей и штофов из русского стекла, в которых продавались горячительные напитки на протяжении почти полутора столетий, и резных шкатулок, сделанных на Севере из моржовых клыков. Его глаз настоящего собирателя может выхватить на блошином рынке или в каком-то доме вещицу, мимо которой обычный человек пройдет равнодушно. В результате у него в доме появился лифт начала века с раздвижной ажурной решеткой, много других вещей, столь же диковинных и необычных...

Итак, еще на «территории Ниццы», хранящей память о русской Ницце, состоялось наше приобщение к судьбам людей, вынужденных жить и творить за рубежами родной страны. И такое приобщение продолжилось, когда Герра провел экскурсию по бунинским местам. Увидев скром-

langue russe s'affaiblisse, qu'on utilise de moins en moins son trésor lexical. Mais René Yuliannovitch (voilà pourquoi il accepte sans souci un tel patronyme) emploie des proverbes et des dictons avec une légèreté extrême et en ajoutant à son discours parfois des mots grossiers, mais toujours comme il faut, avec tact et modération. La collection de M. Guerra comprend non seulement des livres mais aussi des tableaux précieux.

Mais si les noms cités plus haut sont assez connus par le groupe des visiteurs (ce qui n'aide point à retenir ses émotions devant tous ces ouvrages se trouvant tout près), le nom de Dimitri Bouchène reste inconnu en Russie. Et pourtant c'était un éminent peintre de théâtre qu'on appelait «peintre-poète» et qui était un grand ami de René Guerra. Cette amitié nous a permis de découvrir l'oeuvre de cet artiste, ses tableaux et ses dessins. Et nous avons fait bien d'autres trouvailles en nous promenant dans la maison de M. Guerra. Par exemple, un étonnement commun a été provoqué par les aquarelles et les gouaches de Génia Hadji-Minache qui a peint les femmes orientales en costumes traditionnels.

La maison du collectionneur était remplie d'objets uniques provenant non seulement de cette époque de la première vague de l'émigration mais des temps plus anciens. Par exemple, M. Guerra est un heureux propriétaire d'une collection de bouteilles en verre russe dans lesquelles on servait des boissons spiritueuses le long des deux siècles, et d'une collection de coffrets confectionnés dans le Nord de défenses de morse. Son oeil de collectionneur et de chercheur peut dénicher au

marché aux puces des objets qui seraient inaperçus par un oeil amateur. Ce goût de recherche a donné à sa maison un ascenseur à la grille ajourée, et bien d'autres objets aussi insolites et bizarres...

Alors, c'est sur le territoire de Nice que nous avons appris les premières informations sur la Nice russe, sur les gens qui y avaient habité et y avaient créé leurs oeuvres en dehors de leur patrie. Et puis M. Guerra nous a fait une visite guidée à travers les endroits de Bounine. Après avoir vu cette petite villa Belvédère, cette petite maison où habitaient Bounine, sa femme Véra Nikolaevna, sa bien-aimée et écrivaine Galina Kuznetsova, où arrivaient ses élèves Léonid Zurov et Nikolai Roschine, nous avons mieux compris l'état psychologique de l'artiste, le tragique de sa personnalité qui se sont aggravés lors de l'émigration. Dans le jardin certains d'entre nous s'appuyaient contre les oliviers en pensant que Bounine l'avait fait aussi. Sur les branches des mandariniers il y avait des fruits ratatinés et ces fruits-là couvraient aussi le sol sous les arbres. Et en face de la maison poussait un palmier, rejeton de celui qui s'élevait près de la villa à l'époque de Bounine. M. Guerra a emmené le groupe vers la dalle commémorative installée il n'y a pas longtemps non loin de la villa: sur la dalle on peut lire que dans cet endroit vivait Ivan Alekseevitch Bounine, écrivain russe, lauréat du Prix Nobel de littérature. Nous avons eu l'occasion de faire des photos près du monument (d'ailleurs, la tête de l'écrivain ressemble peu à l'original).

La connaissance avec la villa Jeanette était aussi importante pour nous. Là-bas l'écrivain avait vécu pendant la

ную виллу «Бельведер», этот маленький домик, где в тесноте жили Бунин, его жена Вера Николаевна, его возлюбленная, писательница Галина Кузнецова, куда постоянно приезжали его ученики Леонид Зуров и Николай Роцин, начинаешь глубже понимать психологическое состояние выдающегося художника слова, внутренний трагизм его личности, усугубившийся в эмиграции. Бродя по саду, многие из нас просто прислонялись к тем оливковым деревьям, что знали Бунина, и, наверное, представляли, что и он проделывал когда-то нечто подобное. На ветках мандариновых деревьев висели съезжившиеся мандарины, они же устилали и землю у подножья деревьев. А напротив дверей дома разрослась пальмочка — дочка той самой, что была при Бунине. Герра привел ведомую им группу к установленной несколько лет назад невдалеке от виллы мемориальной плите с надписью, что здесь проживал лауреат Нобелевской премии, русский писатель Иван Алексеевич Бунин, и дал нам возможность вволю пофотографироваться у памятника (голова писателя имеет лишь отдаленное сходство с оригиналом).

Не менее значимо было и знакомство с виллой «Жаннет», где Бунин проживал в годы Второй мировой войны и где он скрывал от гестапо писателя А.В. Бахраха. Здесь нам необыкновенно повезло. В отличие от накрепко заколоченной и необитаемой виллы «Бельведер», в сад которой приходилось пробираться, в эту виллу нас пустил сам хозяин — месье Пьер Андре, оказавшийся обладателем не-

заурядной библиотеки, в которой нашлось место и книгам Бунина. Он нам показал французское издание «Господина из Сан-Франциско», а также книги на русском языке самого Бунина и книги о нем, которые, видимо, дарят месье Пьеру Андре посетители, любезно им встречаемые. Посетили мы и часовню, находящуюся на территории самой виллы. Здесь нас ждал сюрприз, уже не имеющий отношения к Бунину: мы увидели масонскую атрибутику. Оказалось, что месье Пьер Андре — глава местной масонской ложи, и масоны здесь проводят свои обряды, принимая в члены организации. Ступени, ведущие к часовне, замшелые и истертые, — те самые, что знали Бунина. Поднявшись по ним, мы вышли на террасу, откуда открылся великолепный вид: Грасс, бухта, морская бесконечность... Это видел и Бунин. Как итог погружения в эти артефакты, связанные с жизнью великого земляка, произошло психологическое постижение сути бунинского характера, удалось почувствовать самым непосредственным образом его настрой тех лет, когда писались и роман «Жизнь Арсеньева», и цикл рассказов «Темные аллеи», когда переживал он личную драму и когда всею душой болел во время войны за судьбу покинутой родины.

Стоит еще добавить, что продолжение знакомства с русской Ниццей произошло на Русском кладбище Кокад. И хотя пришли мы сюда уже без Ренэ Юлиановича, казалось, что слышим его рассказы, и оттого связь с Буниным здесь ощущалась нами особен-

Deuxième guerre mondiale et cachait de la gestapo A. V. Bakhrakh. Dans cette villa nous avons eu de la chance. Bien que nous n'ayons pas pu visiter la villa Belvédère inhabitée, aux fenêtres clouées, nous avons visité la villa Jeannette: M. Pierre André, propriétaire des lieux, nous a fait entrer et montré une bibliothèque distinguée où les livres de Bounine avaient eux aussi leur place, par exemple, une édition de luxe de l'oeuvre «Le Monsieur de San Francisco» ainsi que les livres en russe de Bounine et sur Bounine que M. Pierre André semble recevoir des visiteurs qui viennent voir sa villa et qu'il accueille avec bienveillance. Nous avons visité aussi la chapelle se trouvant sur le territoire de la villa. Là nous avons vu les symboles des maçons. Pourtant cette surprise n'avait rien en commun avec Bounine: c'est M. Pierre André qui était le maître de la loge et les maçons arrivaient dans cette chapelle pour rendre leurs offices et passer des cérémonies d'initiation. Les marches de la chapelle étaient vieilles et couvertes de mousse, celles qui connaissaient Bounine, ses pas. Les ayant gravies nous nous sommes retrouvés sur une terrasse d'où on avait une vue splendide sur Grasse, la crique, la mer infinie ... Bounine voyait la même chose. Comme résultat nous avons pu mieux plonger dans l'âme de notre écrivain compatriote, comprendre mieux son caractère, nous avons réussi à sentir son état d'esprit de ce temps-là, l'époque où il avait entamé son roman «La Vie d'Arseniev», et le cycle de nouvelles «Les Allées sombres», où il traversait une crise personnelle et souffrait pendant la guerre pour le destin de sa patrie.

Il reste à ajouter que la suite de cette rencontre avec la Nice russe s'est produite au cimetière russe de Caucade. Et bien que nous y soyons arrivés sans René Yuliannovitch, nous croyions entendre ses récits et aussi le lien avec Bounine se sentait plus fort. La Nice russe est toute une histoire à raconter, une histoire à part. A des moments différents et à des époques diverses y sont venus N. V. Gogol, P. A. Viazemski, S. Ya. Nadson, et au début du XXème siècle les écrivains M. A. Aldanov, G. V. Adamovitch, S. S. Bekhteev et bien d'autres qui ont fait la gloire de la culture russe. Certains d'entre eux ont trouvé du repos dans ce cimetière de Nice. Nous avons réussi à trouver la tombe d'un des poètes les plus marquants de l'étranger russe, celle de G. V. Adamovitch aux enterrements duquel était présent en 1972 le jeune René Guerra. Nous avons vu aussi la tombe mal soignée (quelle douleur!) du peintre F. A. Maliavine qui avait chanté dans ses tableaux la beauté et le tempérament fulgurant des paysannes russes; nous avons pu passer du temps devant le monument commémoratif de Ekaterina Dolgoroukova, d'abord bien-aimée et puis femme de l'empereur Alexandre II, retrouver la tombe de Helena Rabenek, élève fervente de la danseuse Isadora Duncan et rafraîchir dans notre mémoire les épisodes de l'histoire militaire russe devant la tombe du général N. N. Ioudenitch.

Et enfin la dernière rencontre avec l'héritage de Bounine et Zaitsev a eu lieu devant un petit hôtel «Oasis». Il est bien connu que le dernier livre de Bounine était consacré à son idole et son ami proche A. P. Tchekhov (dont le titre

но остро. Русская Ницца — это особый разговор. В разное время в ней побывали и Н.В. Гоголь, и П.А. Вяземский, и С.Я. Надсон, а в первой трети XX века писатели М.А. Алданов, Г.В. Адамович, С.С. Бехтеев и многие другие, кто составил славу русской культуры. Некоторые из них нашли последнее пристанище на этом кладбище. Нам удалось отыскать могилу одного из ярчайших поэтов и критиков Русского зарубежья Г.В. Адамовича, которого в 1972 году в последний путь провожал молодой Герра, увидеть неухоженную (пронзила боль!) могилу художника Ф.А. Малявина, прославившего в своих картинах вихревой темперамент русских крестьянок, постоять у мемориала Екатерины Долгорукой, сначала возлюбленной, а потом и законной супруги императора Александра II, обнаружить захоронение знаменитой последовательницы Айседоры Дункан танцовщицы Елены Рабенек, освежить в памяти эпизоды военной истории России у могилы генерала Н.Н. Юденича.

И наконец, последнее приобщение к именам и наследию Бунина и Зайцева состоялось у маленького отеля «Оазис». Известно, что последним произведением Бунина стала книга «О Чехове», посвященная его кумиру, близкому другу — А.П. Чехову, к сожалению, не оконченная. Зайцев также отдал дань памяти этому гениальному художнику, написав его биографию.

В «Оазисе» приехавший в Ниццу Чехов писал пьесу «Три сестры». У входа во двор гостиницы нас встретила забавная надпись: «Антон Павлович Чехов между 1897 и 1901-ом году во время его перестоя он начал работу “Три сестры и также Ленин между 1909 и 1911-ом году». Думается, что острый на язык Бунин не прошел бы мимо такого потешного объявления и поделился бы этим «наблюдением» со своим другом Зайцевым.

Сокровища русской Ниццы и ее окрестностей постепенно открывались нам в эти короткие 4 дня. Были еще посещение Свято-Николаевского православного собора в Ницце, построенного в 1912 году на месте, где когда-то находилась мраморная часовня, посвященная памяти царевича Николая, сына Александра II, умершего от тяжелой болезни в 22 года, знакомство с прекрасной коллекцией живописи Музея искусств, хранящего автопортрет самой, наверное, популярной русской обительницы Лазурного берега Марии Башкирцевой, прогулки по Английской набережной и любование вилами и отелями самых разных стилей. Незабываемой оказалась и поездка на виллу Беатрисы Эфрусси-Ротшильд на Сен-Жан-Кап-Ферра. Но где бы мы ни были, в ушах звучал голос и рассказы Ренэ Герра. И на все мы смотрели глазами Бунина и Зайцева, проникаясь их любовью к Провансу!

était «Sur Tchekhov») mais l’auteur n’a pas pu malheureusement le finir. Zaïtsev a aussi rendu hommage à ce génie ayant écrit sa biographie. Alors, dans l’hôtel “Oasis” Tchekhov avait écrit sa pièce «Les Trois soeurs» lors de son passage à Nice. Près de la cour, à l’entrée on peut lire une inscription drôle: «Anton Pavlovitch Tchekhov entre 1897 et 1901 lors de son séjour a commencé le travail sur «Les Trois soeurs» et Lénine entre 1909 et 1911». On suppose que Bounine, avec sa langue bien affilée, n’ait pas pu passer sans réagir et ait partagé cette trouvaille avec son ami Zaïtsev.

Ces 4 jours courts nous ont permis de découvrir les miracles de la Nice russe. Nous avons également visité la cathédrale Saint-Nicolas de Nice construite

en 1912 sur la place de l’ancienne chapelle de marbre édifée en hommage au fils d’Alexandre II, tsarévitch Nikolaï, mort des suites d’une maladie grave à l’âge de 22 ans; avons vu une belle collection du Musée d’art gardant l’autoportrait d’une des habitantes les plus populaires de la Côte d’Azur, celui de Marie Bashkirtseff; avons fait des promenades le long des quais et admiré des villas et des hôtels de tous les styles. Inoubliable était pour nous le voyage à la villa de Béatrice Ephrussi de Rothschild à Saint-Jean-Cap-Ferrat. Mais où que nous allions, nous attendions toujours la voix de René Guerra et ses belles histoires sur l’époque. Nous avons vu la Provence avec les yeux de Bounine et de Zaïtsev et nous l’avons adorée!

М.В. Михайлова возле бюста И.А. Бунина. Сад княгини Полины. Грасс (Франция)

М.В. Михайлова на скамейке, где И.А. Бунин любил собирать своих гостей. Грасс (Франция)

M. V. Mikhaïlova près du buste de I. A. Bounine. Le jardin de la Princesse Pauline. Grasse (France)

M. V. Mikhaïlova sur le banc où I. A. Bounine aimait recueillir ses invités. Grasse (France)